

Т.В. Смирнова

Уж глубоко запал мне в душу свет Радонежа.

Борис Шергин

Тайна Бориса Шергина

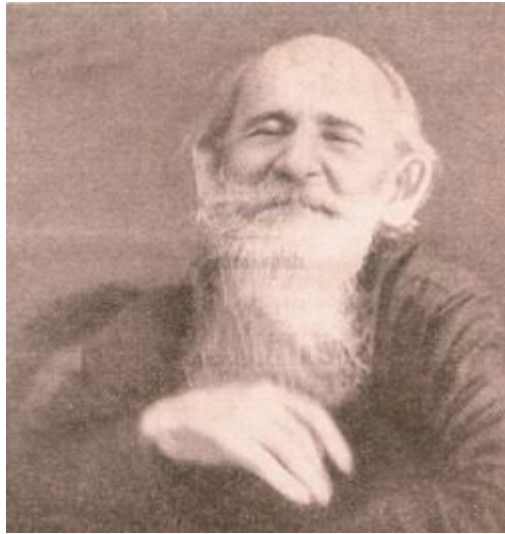
И.В. Голицын. Портрет Бориса Викторовича Шергина. Х., м. 1971–1986. Гос. историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево»

Есть в Абрамцевском музее портрет. Даже, скорее, не портрет, а картина. Не сразу и увидишь на ней человека – маленького седого старичка с длинной белой бородой, похожего на гнома. Притулился он где-то внизу, а над головой – икона. И корабль на стене. И облака. И будто не в окне облака – ведь же рядом с ними часы-ходики. Отсчитывают минуты жизни.

Таким написал Илларион Голицын Бориса Викторовича Шергина (1893–1973) – в полуподвальной комнатке коммунальной квартиры на Рождественском бульваре в Москве. Написал через несколько лет после кончины писателя. Но есть и рисунок, сделанный еще при жизни. И линогравюра по рисунку. А корабль на портрете – модель. Сделал ее отец Шергина – архангельский помор, корабел, певец и художник.

И.В. Голицын. Портрет писателя Б.В. Шергина. Б., линогравюра. 1967

Борис Викторович Шергин. Фото

Отец художника князь Владимир Михайлович Голицын познакомился с Шергиным в Архангельске, когда ходил по северным морям на корабле «Персей». В Москве знакомство продолжилось. И на свадьбу В.М. Голицына Шергин был приглашен в качестве шафера. Брат жениха С.М. Голицын так вспоминал о появлении Шергина на свадьбе: «Он был молод, полон самых радужных надежд, и, видимо, сама свадьба, весь ее ритуал, поэтический облик невесты [графини Елены Петровны Шереметевой – Т.С.] произвели на него неизгладимое впечатление.

– Княже Володимеру и княгиня голубица Олена, – начал он свой тост окаяющим северным говором, слегка нараспев, как сказители былин.

И потекла его красочная речь, пересыпанная сравнениями и эпитетами из сказок и песен поморов... Он говорил, как плавал по северным морям и в Норвегию, и на Грумант – Шпицберген, побывал на Онеге, Мезени и Печоре, но такой красы дивной, как “белая лебедка Олена, нигде не видывал”»¹.

Но сын В.М. Голицына Илларион писал портрет Шергина уже в печально бедный и заброшенный период жизни писателя. А ведь была известность, и какая!

Павильон «Север» на Нижегородской ярмарке

Перенесемся в конец XIX века. Павильон «Крайний Север» Саввы Мамонтова на Всероссийской Нижегородской ярмарке. Мамонтов строит Северную железную дорогу. Нужна реклама.

К. Коровин. Базар в Архангельске. Х., м. 1896. Панно для павильона «Север» на Нижегородской ярмарке

Художник Константин Коровин оформляет павильон – недавно он вместе с Валентином Серовым проделал путь на Север по трассе строившейся дороги и дальше по Ледовитому океану. В павильоне самоед Василий на публике глотает живых рыбешек. А тюлень Васька выскакивает из чана с водой и приветствует посетителей криком «Ура!..»².

Север оказывается в центре внимания общества. В эти неизведанные края тянутся исследователи фольклора. Записывают произведения устного

народного творчества. О.Э. Озаровская в подлинной крестьянской одежде исполняет на концертах в Москве северные старины. Огромным успехом пользуются выступления старушки М.Д. Кривополеновой – ее Озаровская привезла с Пинеги. Кривополенова – и сочинительница, и сказительница старин. В самом Архангельске создается Общество изучения Русского Севера (АОИКС). В него входят и москвичи: О.Э. Озаровская и Ю.М. Соколов, известный фольклорист и этнограф.

Так уж получилось, что Борис Викторович Шергин узнал об этом Обществе, познакомился с членами АОИКС только в Москве. Двадцатилетним пареньком он приехал в столицу поступать в Строгановское художественно-промышленное училище – с детства «прельщали кисти и краски». Стал членом этого краеведческого общества. Участвовал в фольклорной экспедиции по Архангельской и Вологодской губерниям. А после Строгановки, вернувшись в Архангельск, занялся восстановлением старинного северного промысла – холмогорской резьбы по кости, организовывал художественные выставки. А еще изучал и записывал речь, звучащую вокруг. Это было его увлечением с детских лет³.

И приехав снова в Москву, не потерял связей с Севером. А себя считал не столько писателем, сколько сказителем. И замороженная публика слушала его часами. В 1924 году он выпустил первую книгу – «У Архангельского города, у корабельного пристанища». Составили ее сказания, слышанные от матери.

С 1922 г. он в Архангельск уже не возвращался – жил в Москве. Но Север навсегда остался с ним. Сила детских впечатлений была так сильна, что и все его следующие книги были о северном крае. Юрий Коваль, знавший и любивший творчество Шергина, писал: «Борис Викторович Шергин был русский писатель необыкновенной северной красоты, поморской силы. Истории, которые рассказывает он в книгах, веселые и грустные, случались во времена давние и совсем близкие, и на всех лежит печать какого-то величественного спокойствия, вообще свойственного северным сказаниям»⁴.

И никто не знал, что писатель вел дневник. Это была его тайна. Узнали о дневнике только после его кончины. Многие годы вел он записи о том, что его окружало в Москве и в Хотькове. Он ведь с 1938 года обычно проводил лето в Хотькове, а иногда оставался и на зиму. Так уж вышло, что на долгие годы стал его близким другом Михаил Барыкин, а того в Хотькове был дом. И читая дневники Шергина, мы по-иному видим эту святую Радонежскую землю. Он писал: «Любо и светло находить и видеть заветное, желанное. Под горою, прячась в кустах, вьется меж цветущих трав, сбегает вниз белоглинистая тропинка. На высоком песчаном обрыве громоздятся ели. Щебечут птицы. А вдали ненаглядный “нестеровский” пейзаж: светло-желтые поля на холмах, елочки, по горизонту синяя полоса леса. И над всем прозрачно-облачное, тихое небо»⁵.

«Любо и светло ...» – уже в этом зачине чувствуется что-то древнее. И вправду «мысленным оком» видит писатель на этой земле самого святого Сергия: «Помянул Сергия Радонежского и возрадовался... Посети Радонежскую землю. Ты увидишь холмы, то покрытые лесом, то пашнями. Узенькие реки отражают серебристо-облачное небо... Если ты любишь Сергия, любишь Святую Сергиеву Русь, мысленное око твое радостно увидит и Его: с деревянным ведерышком Он поднимается в гору, серебряные капли падают на сухую глину. Вот Он поднялся на взлобье холма, поставил тяжелое ведро на землю и глядит в долину: леса без конца, синяя даль сливается с небом».

И еще «мысленным оком» представлял писатель, каким было внутреннее убранство храмов Радонежской земли в давние времена: «Бедность древних храмов была такова, что медь и олово были роскошью. Подсвечники и все сосуды, включая святой потир-чашу, все было из дерева. Кадильница глиняная, фелони и стихари из полотна, но льняная фелонь сияет краше шелка... А венцы для брачующихся из бересты. На простом ободке расцветает ряд как бы “королевских лилий”».

В середине XIX века был создан близ Троице-Сергиевой лавры Гефсиманский скит. Там стремились вернуться к аскетизму церковной службы и всего монашеского обихода: не использовали драгоценные металлы, дорогие ткани. Но скит был закрыт еще в 1928 году⁶. Так где же мог видеть Шергин деревянные подсвечники и берестяные венцы? Это могло быть в северных деревянных церквях, когда он был в фольклорной экспедиции, организованной Архангельским обществом изучения крайнего севера?

К. Юон. Троицкая лавра зимой. 1910. Х., м. ГРМ

Для Троице-Сергиева монастыря Шергин нашел такие слова: «А на Маковце, всякий раз, как побываешь у него, еще много видится светлого чуда. Три белых собора – как три белые птицы у моря. Они только что сложили крылья, но опять готовы летать... Он, ученик Святой Троицы, вдохновлял и Андрея Рублева, и зодчих. В этой песне линии и красок у блаженного Андрея, в этой песне зодчества душа великого Сергия... Благодатна была земля Маковца.

Чудно цвело здесь искусство века осмнадцатого. Знаменитая кампанилья (колокольня – Т.С.) и «Чертоги» – это все вошло и в народное искусство, и в игрушку»⁷.

Увидел Шергин и творения мастеров-игрушечников Сергиевской земли. Увидел и посвятил им восторженные строки: «Игрушка и всякое художество было народным промыслом, “хлебом” здешнего края, осененного светом Радонежа... Праздник красок, царство сказки, радость цвета и формы. Дерево, глина, жость, бумага, все сияет и горит цветом небесно-голубым, ало-огненным, радуга позавидует яркости злато-соломенных, изумрудно-зеленых, брусничных, маковых, сахарных, седых, облакитных, бирюзистых, жарких тонов и цветов».

Читаем это перечисление и спотыкаемся на слове «облакитный». Что за цвет такой? Облачный, цвет облаков. Северяне различали множество оттенков каждого цвета. Вот и белый был не просто белый, но и сахарный, и седой, и облакитный.

В детстве видел Шергин изделия северных мастеров-художников, «изящных мастеров», как он называл их. И видел не в музее, а вокруг себя: расписные берестяные туески, хранили в них муку и крупы, ходили с ними по ягоды; рождественские пряники-козули – львы, птицы, олени, – по темному фону украшенные узорами белой и розовой сахарной глазури. А еще продавали на архангельском рынке такие игрушки: в маленьком лукошке на ярко-зеленом мху точеные грибочки с лакированными красными шляпками. Предназначены они собственно не для игры, а для любования, как и щепные голубки, висевшие под потолком в северных избах – символ Духа Святого.

**В. Гурьев. Брошка с оленем.
Холмогорская резьба,
моржовая кость. 1930-е гг.**

**Архангельские тусы
берестяные расписные.
Почтовая карточка. Изд.
Архангельского Общества
краеведения. 1925**

Пряники-«козули»

Шергин сетовал: «Фольклористы прозевали Подмоскowie. Сколько здесь было интересного. И очень много общего с северным...». Так не потому ли так близко оказалось Шергину народное искусство Радонежской земли?

Галина Львовна Дайн

Хотьковские шитые мячики

Но нашлись искусствоведы, которые не просмотрели мастерство местных кустарей-игрушечников. Это, в первую очередь, Галина Львовна Дайн, автор многих замечательных книг об игрушке. Она первая обратила внимание на то, что писатель, живя в Хотькове, восхищался шитой игрушкой и золотошвейной

вышивкой монахинь Покровского монастыря в Хотькове, фарфором завода Попова⁸.

Покровский монастырь в Хотькове

А «поповский» фарфор делали в первой половине XIX века на этой земле, в селе Горбунове (теперь Горбуново в черте города Хотьково). И не уступал он изделиям Императорского завода в Петербурге и завода Гарднера в Вербилках. У местных жителей могли долго сохраняться изделия этого предприятия, так что, вероятно, тут и видел их писатель. Примечательно, что среди продукции завода были не только изящно выполненные ампирные сервизы и вазы, но и яркая, украшенная изображениями цветов, трактирная посуда. Наверное, о ней Шергин писал, что этот фарфор «плоть от плоти народного искусства».

Фарфор завода Попова. XIX в.

Хотьковские мячики-гремущики. Осиненко Г.П.

А о какой шитой игрушке шла речь в дневниках Шергина? Насельницы Покровского монастыря в Хотькове делали мячики-«гремущики». Г.Л. Дайн выяснила технологию их изготовления: сшивали их из выпуклых подушечек, набитых сухим мхом, внутри была камера из бересты; вкладывали в нее камешек или горошину. Так и получалась погремушка, такая нарядная! Ведь подушечки шили из кусочков ситца или сатина разных расцветок да еще украшали мячик бисером, вышивкой, цветной фольгой. Исследовательница восстановила забытую технологию. И школьницы младших классов

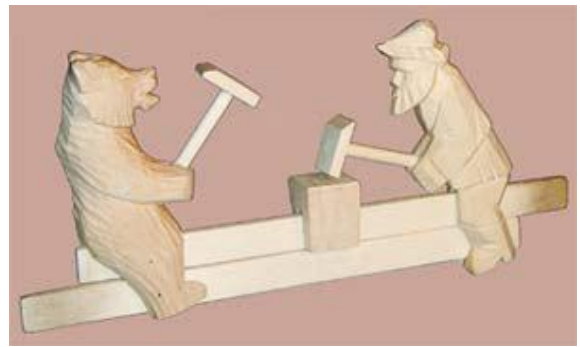
одной из хотьковских школ научились делать такие веселые мячики, используя, конечно, вместо мха и бересты более современные материалы⁹.

Писал Шергин и мастерстве резной деревянной игрушки, выводя начало ее от самого Сергия Радонежского, который по легенде вырезал «из липы птичек, коньков и дарил “на благословение” детям». Он писал: «Деревня Богородская посейчас сохранила мастерство резной деревянной игрушки. А вообще, сергиевская игрушка была многолика и разнообразна по материалу и по искусству». Он противопоставлял рукотворную красоту ее форм и красок

скромной природе Радонежья. Но при этом видел на ней «свет горнего мира». «Глинистые дороги, поля, болотца, ельник»... «Серенькое русское небо, жухлого цвета деревянные деревнюшки, березки, осинки, елочки, поля, изгороди, проселочные в лужах дороги». И тут же: «Каковым это небо соглядал Сергей Радонежский, таковым лик заветный, блакитный вижу и я, нищий».

Голубь щепной

Кузнецы. Богородская игрушка

В последние годы жил Шергин почти забытый, ослепший. Едва сводил концы с концами. Горькую запись оставил в дневнике: «...Годами забрался, летами зажился. Имени доброго не нашёл, дак хотя бы “положения в свете” или запасу про чёрный день... Ничего нет. Ни постлать, ни укутаться, и в рот положить нечего. Нет знакомого человека, у которого не взял бы в долг, и, по-видимому, без отдачи... Иной раз встречу заимодавцев своих. Что же... Без стыда рожу не износишь...».

Кадр мультфильма «Волшебное кольцо».
Режиссер Л. Носырев

А. Ненажный. Портрет Б.В. Шергина.
Известняк. Библиотечно-краеведческий
центр им. Б.В. Шергина в Хотькове

Но вот в 1979 году вышел замечательный мультфильм «Волшебное кольцо» влюбленного в Север режиссера и художника Леонида Носырева. Рассказано в нем о пареньке Ване, который спас и кошку, и собаку и змею Скарапею. И прозвучало имя доброго и веселого человека Бориса Шергина – создан-то мультфильм по его сказке. С 1980-е годов стали активно переиздавать книги этого писателя, в том числе сказки для детей.

Потом дело дошло и до дневников¹⁰. А написал он немало. Стоит почитать их. Ведь, как писал Шергин, «чтобы сердце твое развеселилось, совсем не надобно, чтобы вдруг изменились житейские обстоятельства. Развеселить может слово доброго человека».

А в городе Хотькове Библиотечно-краеведческий центр носит теперь имя Б.В. Шергина, уроженца города Архангельска, писателя и краеведа.

-
- ¹ Голицын Сергей. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 172.
- ² Коровин Константин. Воспоминания. М., 1999.
- ³ Смирнова М.А. Краеведческая деятельность Б.В. Шергина // Личность над временем. Сб. III Межрегиональных шергинских чтений. Архангельск, 2010. С. 22–25.
- ⁴ Коваль Юрий. Опасайтесь лысых и усатых. М., 1993. С. 267.
- ⁵ Шергин Борис. Изящные мастера. М., 1990. С. 408.
- ⁶ Филимонов К.А. Новая Гефсимания. М., 2000.
- ⁷ Шергин Борис. Изящные мастера... С. 366.
- ⁸ Дайн Г. Игрушечных дел мастера. М., 1994.
- ⁹ Дайн Галина. Лоскутные мячики из Хотькова. Сергиев Посад, 2008.
- ¹⁰ Шергин Борис. Праведное солнце. Дневники разных лет. 1939–1968. М., 2009; *Он же*. Неслучайные слова. Архангельск, 2010.

В печати

Иллюстрации

1. И.В. Голицын. Портрет Бориса Викторовича Шергина. Х., м. 1971–1986. Гос. историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево»
2. И.В. Голицын. Портрет писателя Б.В. Шергина. Б., линогравюра. 1967
3. Б.В. Шергин. Фото.
4. Павильон «Север» на Нижегородской ярмарке
5. К. Коровин. Базар в Архангельске. Х., м. 1896. Панно для павильона «Север» на Нижегородской ярмарке
6. К. Юон. Троицкая лавра зимой. 1910. Х., м. ГРМ
7. В. Гурьев. Брошка с оленем. Холмогорская резьба, моржовая кость. 1930-е гг.
8. Архангельские туеса берестяные расписные. Почтовая карточка. Изд. Архангельского Общества краеведения. 1925
9. Пряники-«козули»
10. Галина Львовна Дайн
11. Хотьковские шитые мячики
12. Покровский монастырь в Хотькове
13. Фарфор завода Попова. XIX в.
14. Хотьковские мячики, сделанные школьниками под руководством педагога Г.П. Осиненко
15. Голубь щепной
16. Кузнецы. Богородская игрушка
17. Кадр мультфильма «Волшебное кольцо». Режиссер Л. Носырев
18. А. Ненажный. Портрет Б.В. Шергина. Известняк. Библиотечно-краеведческий центр им. Б.В. Шергина в Хотькове